

18+

Елена Дымченко

Житие борзого

Повести и рассказы

Елена Дымченко

Житие борзого.
Повести и рассказы

«Издательские решения»

Дымченко Е.

Житие борзого. Повести и рассказы / Е. Дымченко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740556-4

Глубокие и трогательные повествования о безграничной любви и преданности, о сострадании, о жестокости и предательстве, о взаимоотношениях людей и живущих рядом с ними живых существах. Пронзительные и вместе с тем мудрые, психологически выверенные рассказы проведут вас через целую череду жизненных обстоятельств и не оставят равнодушным.

ISBN 978-5-44-740556-4

© Дымченко Е.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Житие борзого	7
Глава 1. Новый дом	7
Глава 2. Божество	9
Глава 3. Познание	12
Глава 4. Первая охота	14
Глава 5. Беда	17
Глава 6. Одиночество	19
Глава 7. Анюта	21
Глава 8. Прогулка	26
Глава 9. А тем временем	29
Глава 10. Сергей	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Житие борзого
Повести и рассказы
Елена Дымченко

Ксения Римская *Фотограф*

© Елена Дымченко, 2020

© Ксения Римская, фотографии, 2020

ISBN 978-5-4474-0556-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Елена Дымченко – уже опытный автор – выпускница ленинградской литературной школы. Она с детства самозабвенно любит живую природу.

А все началось с того, что однажды в ее доме появился щенок-подросток русской псовой борзой.

Проза Елены Дымченко, пронизанная щемящей любовью к представителям этой великолепной породы, очень эмоциональна и наполнена драматизмом. Она захватывает и не отпускает внимание читателя до последней страницы и, безусловно, будет интересна любителям психологической прозы разных возрастов.

В данный сборник вошли повести «Житие борзого» и «Соседский пес», а также рассказы из серии «Невыдуманные истории».

Это глубокие и трогательные повествования о той безграничной любви и преданности, которая получила название «собачьей» и на которую способен далеко не каждый, о сострадании и жестокости, о взаимоотношениях людей и живущих рядом с ними живых существах.

Читая истории Елены Дымченко, вы увидите окружающий мир глазами борзой собаки от первого щенячьего взгляда до взора уже мудрого пса. Пронзительные и вместе с тем мудрые, психологически выверенные рассказы проведут вас через целую череду жизненных обстоятельств и не оставят равнодушными.

Впервые повесть «Житие борзого» была издана в 1994 году и стала дорога поклонникам художественной психологической прозы.

Готовится к выпуску второй сборник Елены Дымченко, в который войдут повести уже известная многим читателям повесть «Напасть», новая психологическая драма «Каприз балерины» и рассказы из серии «Родословное чтиво».

Житие борзого

Глава 1. Новый дом

Что-то неведомое вдруг оторвало его от теплого сообщества братьев и сестёр и подняло высоко вверх. Полусонный, сразу почувствовав себя одиноким в этом своем невольном парении, он попытался вырваться, чтобы вернуться туда, где тепло, сытно и спокойно, но неумолимые, чужие руки крепко держали его, такого маленького и беспомощного.

Извиваясь всем своим слабым, детским тельцем, он безуспешно пытался освободиться, но все было тщетно. Сделав ещё последнюю, самую отчаянную попытку избавиться от этого нестерпимого плена, он, полностью обессилив от неравной борьбы, наконец, смирился и, поникнув, затих. В конце концов, его мать, которая оставалась там внизу, молчала. Он, крошечная её частичка, верил ей до конца, совершенно безоговорочно, и, чувствуя её тревогу и страх, просто ждал, когда же его, наконец, отпустят и он сможет вернуться к её привычному теплу и нежной заботе.

Он ждал, затаившись, но чужие руки, казалось, и не собирались его отпускать. Они крепко держали, поглаживая, и не хотели причинить вреда – он это чувствовал, а он всегда доверял своим ощущениям. Нельзя сказать, что ласка этих рук была приятна, но избежать её он не мог и поэтому терпел, терпел, пока мог.

Наконец, окончательно проснувшись и почувствовав острый приступ голода, он вновь стал нетерпеливо вырваться, извиваясь всем телом и брыкаясь мягкими, слабыми лапками. Он даже пытался кусаться и грозно рычать, однажды он слышал, как это делала его мать. Малыш чувствовал, что у него не совсем получается, но все равно не мог иначе – они должны его отпустить!

– А он с характером, мне это нравится!

Голос был ужасно громким, просто оглушающим. Маленький пленник затих, притаившись, потому что почувствовал, что то, что издает такие ужасные звуки намного сильнее не только его, но и матери. Она, как бы в подтверждение этого, всё ещё молчала, хотя волна тревоги и страха, исходящая от неё, просто хлестала и била его, накатывая волнами.

Но мать молчала, смирившись, она подчинилась тому, кого считала самым главным и его гостю с такими огромными, сильными руками, которые оторвали от неё маленького сына. Она знала, что ничего не сможет изменить, это уже было, и не один раз, когда чужие руки забирали у неё детей. Она с этим давно смирилась, но всё равно, каждый раз, когда это происходило, нестерпимо страдала. Её материнское сердце разрывалось от страха и боли, а душа плакала из-за бессилия и невозможности помочь, защитить, спасти, успокоить этот маленький комочек, которому она дала жизнь.

А он боролся, рвался, из последних сил пытаясь освободиться. Его маленькое сердце бешено колотилось от предчувствия чего-то неотвратимого, неизвестного, а поэтому страшного, что должно было произойти. Он уже понял, что что-то обязательно должно случиться.

И не ошибся. Те же крепкие руки неотвратимо распорядились его жизнью, изменив её коренным образом. Пока что он не знал, что эта перемена принесет, пока он чувствовал только одиночество и потерю тепла, без которого не привык обходиться.

Все было чуждо ему в этом новом месте, куда его принесли эти руки. Он был в полной их власти, они могли принести ему как боль, так и любовь. Почувствовав это совершенно необъяснимым образом, он просто принял своё новое положение, как до этого принимал власть своей матери. Он смирился, потому что ничего другого ему не оставалось. Так уж сложилось,

что он не мог жить иначе, без безоговорочной веры кому-то, потому что он был собакой, и по-другому не умел.

Когда руки, наконец, отпустили его, он, шатаясь на ослабших, и до этого-то не очень послушных лапах, сразу отправился на поиски матери. Она была так нужна ему сейчас и он искал, ковыляя по скользкому полу и обнюхивая каждый сантиметр, в надежде обнаружить родной запах. Слабые, дрожащие лапы то и дело подводили его, и он падал вновь и вновь, но каждый раз упрямо вставал и шёл дальше. Всё что он хотел – это найти ЕЁ, которая могла бы согреть и успокоить. Он, конечно, сразу понял, что ЕЁ тут просто нет, потому что всё в этом доме пахло незнакомо и поэтому страшно. Но он всё равно искал, потому что не мог пока представить свою жизнь без НЕЁ. Он упрямо ковылял вперед и вперед, пока силы не покинули его окончательно и, в изнеможении, он не упал на холодный, скользкий пол. Малыш был полностью опустошён, ничто его уже не пугало, ему было всё равно, т. к. свою мать он так и не нашёл.

И опять те же сильные руки подняли его и куда-то понесли, но он уже не чувствовал страха, так как то, что должно было случиться уже случилось, и ещё потому что он так ужасно устал, что ему сейчас хотелось только спать.

Руки осторожно опустили его на что-то тёплое и мягкое и, ласково погладив, оставили одного. Покрутившись на своей новой подстилке и устроившись поудобней, он, забыв о своем одиночестве, наконец, согрелся и уснул. Его сон, отражая его дневные переживания, был тревожен: задыхаясь и теряя силы, он убегал от неведомой и неотвратимой опасности. Слабые лапы подгибались, и он всё время падал. Это неведомое, страшное уже почти настигло его, нависая над его распростёртым и беспомощным телом.

Ужас безжалостно сжимал холодными, липкими пальцами его маленькое, трепещущее сердце. Как ОНА ему нужна! Только ОНА могла его сейчас спасти, но её нигде не было. Огромная, черная тень неведомой опасности уже почти совсем накрыла его, такого маленького и беззащитного. Проснувшись от ужаса и не найдя привычной защиты от всех бед, чувствуя себя брошенным и несчастным, он дрожал и жалобно скулил, забившись в самый угол, чувствуя себя таким одиноким, как никогда до этого. Это ощущение пустоты он запомнил навсегда, и всю его последующую жизнь именно чувство одиночества было самым большим его страхом.

И тут он опять почувствовал эти руки. Обхватив маленькое, трепещущее тельце, они вновь подняли его, лишив свободы. Он дрожал от пережитого, скуля и подвывая. Ему так были нужны тепло и защита, что, доверчиво прижавшись к ним, он, наконец, почувствовал, что прошлые страхи куда-то уходят и он уже не один. Маленький собачий ребенок вдруг поверил этим теплым и сильным человеческим рукам, которые до этого принесли ему одиночество и пустоту. А поверив однажды, он уже верил всегда, пока по-другому он не умел. И, согретый теплом этих рук, он, наконец, уснул спокойным сном.

Глава 2. Божество

Наконец, прошла эта длинная ночь. Смирившись с тем, чего он не мог изменить, Коротай, так нарёк его новый хозяин, блаженно потягиваясь, встретил новый день.

Он был всего-навсего щенок и был сыт и надёжно защищён от всех бед этими сильными, добрыми руками. Когда к нему пришло это понимание, он не знал и не смог бы себе объяснить, да это было уже и неважно. Да и что с него взять, он всего лишь маленький собачий ребенок. Во всяком случае, вчерашние страхи отступили и перед ним открылся новый мир, а это так интересно. Неведомое звало, неудержимо влекло его и сопротивляться заманчивому зову он не мог. Маленький и бесстрашный, он смело двинулся навстречу своей новой, неведомой жизни.

Лапы расплзались и совсем не слушались. Падая и каждый раз упрямо поднимаясь, он тщательно обследовал свое новое логово. Запахов было очень много и они были странные, незнакомые, но среди них был один, который напоминал ему мать и, в то же время, был немного другим. Он завораживал, звал за собой и, послушно следуя зову, малыш ковылял, спеша, по длинному и темному коридору. С каждым шагом запах становился сильнее, он забивал жадные, крохотные ноздри Коротая, заставляя маленькое сердечко тревожно и учащённо биться. К нему примешивались и другие, но этот запах был сейчас самый главный. Что он нёс в себе? В нём была угроза, и в то же время он неудержимо притягивал к себе.

Вдруг из-за полуоткрытой двери в темноту коридора вышел ОН. Коротай застыл. Восторг и страх вдруг переполнили его трепещущую детскую душу, лишая возможности двигаться.

ОН тоже стоял неподвижно. Как ОН был прекрасен! Большой, сильный, невероятно красивый, он, казался чем-то нереальным. Его чёрные глаза горели в полумраке неистовым огнем. Длинная, струящаяся псовина*, казалось, светилась в темноте, так она была бела и блестяща. Несомненно, ОН был богом! А бог мог карать и ласкать и власть его была беспредельной. Коротай безоговорочно и сразу поверил и принял это.

Восторженно блестя глазёнками, он смиренно ждал знака от божества. Маленький, смешной малыш был очень счастлив сейчас. Только вчера потеряв родную мать, сегодня он обрел того, кто был намного важнее – это был более старший и потому более сильный, а значит это был его ВОЖАК. И малыш, сидя на ослабевших и дрожащих лапах, терпеливо ждал знака милости, всем своим видом давая понять, что он послушен.

И, выждав полагающуюся случаю паузу, ОН, явно не спеша, подошёл, чтобы выяснить, наконец, что же ЭТО перед ним. Бесцеремонно подталкивая Коротая носом, ОН обнюхивал непонятное существо, делая для себя какие-то выводы. Тот терпеливо всё сносил, не испытывая особенных неудобств, потому что привык к подобному обращению ещё в своём родном доме. Он испытывал двойственное чувство страха, удовлетворения, и даже счастья.

ОН теперь был всем для Коротая, ОН был богом. Боги бывают и злые, и могут принести боль и страдание, и в то же время ОН был своим, ОН был понятен, всё-таки ОН был собакой.

А руки, эти человеческие и поэтому всё-таки чужие – что от них ждать?

Закончив своё неторопливое обследование, и сразу же потеряв всякий интерес к малышу, Сокрушай, а именно так звали божество, отошёл прочь и, одним мощным прыжком заскочил на высокий диван и, покрутившись, улегся и затих. Он лежал, прикрыв глаза и выражая всем своим видом, что то, что он только что обнаружил, не заслуживает никакого его внимания и интереса.

«Боже, какая скука!» – говорил он всем своим видом.

Сокрушай был молодым и добродушным кобелем. Он и сам был не прочь поиграть, но по неписаным законам стаи не мог себе позволить сразу уделять много внимания новичку, хотя этот смешной малыш и забавлял его. Увидев, что на его территории появился чужак, он

сразу же понял, что тот мал и слаб, а следовательно, должен знать свое место – таков закон стаи. Сокрушай сам вырос под неусыпным надзором старшего и хорошо усвоил этот кодекс на собственном, иногда и достаточно горьком опыте.

Малыш, внезапно сброшенный с небес, почувствовал невольное разочарование и обиду. Глядя на Сокрушай, демонстрирующего полное безразличие, он почувствовал нахлынувшую волну одиночества. Только что, божество было рядом и вдруг он опять остался один, маленький и слабый. Это было настолько страшно, что при всём своём уважении к Сокрушаю, он не смог удержаться от искушения приблизиться и попытаться обратить на себя его внимание.

Осторожно подкравшись к дивану, Коротай попытался также легко и уверенно заскочить на него, но пока что, это было ему не по силам. Это он сразу же понял, шлёпнувшись своим маленьким, пушистым задиком на твердый пол. Тогда упрямый ребенок решил воспользоваться другой тактикой. Поднявшись на задних лапках, опираясь одной передней на диван, он попытался зацепить другой Сокрушай за ухо. Но лапа была, к сожалению, ещё слишком коротка.

Лениво приподняв веки, Сокрушай взглянул на дерзкого, осмелившегося нарушить его покой. Не увидев ничего достойного внимания, он лениво прикрыл глаза, но не до конца, чтобы иметь возможность наблюдать за этим смешным непоседой.

Коротай, с упрямством, достойным лучшего применения и со свойственным его возрасту бесстрашием, безуспешно пытался дотянуться до божества. Все его попытки кончались неудачей, потому что он был пока что очень мал. Он злился и даже тоненько тьякал в отчаянии от собственной беспомощности, но это не помогало. А божество, лениво прикрыв веки, делало вид, что дремлет, и этим еще больше распаляло детское упрямство.

Был и в жизни Сокрушай такой же день, когда его оторвали от матери и унесли в другой дом. Так же как и Коротай, он был напуган и одинок и также встретил в новом доме старшего, авторитет которого, был для него непререкаем.

Новый дом был красив, полы застелены коврами, мебель была новая и очень привлекала маленького Сокрушай. Удовлетворив свой интерес к старинному дубовому креслу, он тут же выяснил, что в одной из комнат живет страшное существо, которые хозяева называли «шваброй». Пришлось ему также познакомиться и с таким местом как «балкон», который и стал вскоре его логовом, где он проводил все дни и ночи. День, а потом ночь. День, а потом еще ночь. И так полгода.

Со старшим кобелем он встречался очень редко, потому что гулять его выводили далеко не каждый день. Два раза в сутки появлялась хозяйка с миской еды, потом она стала приходить один раз, а бывали дни, когда и совсем не появлялась. От голода и тоски он выл – долго, до хрипоты, до головокружения. Да уж, он сполна познал, что такое одиночество.

А потом он, худой и голодный, попал в этот дом. Три дня он только ел. Он никак не мог поверить, что еда есть и всегда будет. В этом доме не было балкона, а швабра хоть и была, но опасности не представляла, хотя первое время, по привычке, он ей не доверял.

Пришел и тот день, когда он решился посягнуть на такую святыню, как диван. Первый раз в жизни тогда он ощутил подобную мягкость.

И вот теперь, в его стае появился новичок.

«Какой же он маленький и слабый, ничего не стоит расправиться с ним, чтобы он здесь не шумел. Неизвестно еще, что от него можно в дальнейшем ожидать, но хозяин так трясётся над ним, что, пожалуй, сильно рассердиться на меня, так что уж пусть его, скачет». Сокрушай совсем прикрыл глаза, и, кажется, действительно задремал.

Да и малыш, наконец, совсем вымотался и, свернувшись в комочек, пристроился на полу рядом с диваном, чтобы быть поближе к недоступному божеству. Его, обиженного и усталого, сморил спасительный сон. Он уснул, повизгивая и подрагивая лапками, даже во сне пытаясь

дотянуться до Сокрушая. Во сне он был счастлив, потому что знал, что теперь не одинок и у него теперь был вожак.

Глава 3. Познание

Дни шли за днями. Коротай вырос. Он уже только отдалённо напоминал того растерянного малыша, каким его принесли в этот дом. Ничто здесь уже не пугало его. Он знал и не сомневался в том, что именно здесь его всегда защитят, накормят и приласкают и он больше не был одинок. Мать свою он совсем забыл, ей больше не было места в его жизни и воспоминания о ней постепенно стёрлись и не волновали его.

Теперь у его было божество, которое он обожал и с которым всегда хотел находиться рядом. Коротай неотступно следовал за Сокрушаем по пятам, куда бы то не шёл. Иногда тот снисходил, забывая о степенности, и тогда они устраивали шумную, весёлую возню. Коротай в эти минуты был очень счастлив. Он уже давно понял, что божество незлое, хотя иногда, как будто спохватившись, Сокрушай, грозно рыча и оскаливая крупные, белые клыки, загонял его в угол, как бы напоминая, что всё-таки он здесь старший. Коротай, следуя правилам поведения, которые ему никто не объяснял, но которые он откуда-то просто знал, вёл себя, как полагается. Лежа на спине, открывая тем самым беззащитный живот, всей своей позой демонстрируя испуг и повиновение, он терпеливо ждал, пока Сокрушай закончит столь важный для него ритуал. Он понимал, что так надо и не чувствовал себя обиженным, принимая это как должное, как и многое другое.

Очень скоро, Коротай понял, что в этой стае вожак все-таки не Сокрушай. Это открытие его не удивило, он принял его так же безоговорочно, как и многое другое. Вожаком в этой стае был обладатель тех сильных рук, которые принесли его сюда. Всё здесь зависело от него, и он здесь был главным. Именно он давал пищу, гладил и наказывал, решал, что можно, а что нельзя. Всё и всегда, в конце концов, решал именно он.

Даже большой и сильный Сокрушай, был всегда покорен и послушен хозяину, благодарно, но сдержанно принимая его ласки. Хозяин чаще всего был добр. Коротай обнаружил для себя, что прикосновение его рук может быть очень приятно, особенно когда тонкие, длинные пальцы ласково почёсывали ему то место за ухом, до которого он никак не мог дотянуться сам. В эти минуты им овладевало чувство такой приятной истомы, что не в силах сопротивляться, он просто блаженно прикрывал глаза и наслаждался.

Хозяин часто поглаживал его по спине, тихим, низким голосом что-то приговаривая. Этот голос теперь не казался ему таким неприятным. Скоро Коротай даже научился понимать некоторые слова, которые чаще других произносил хозяин. Он уже знал своё имя и услышав его, не раздумывая, бросался на зов. Часто он слышал слово «хороший» и хотя и не понимал, что оно значит, чувствовал себя при этом почему-то счастливым.

Он также давно понял, что хозяин бывает не только ласков. Однажды, будучи ещё совсем маленьким, Коротай почувствовал запах, который сильно заинтересовал его. Стремясь удовлетворить свое щенячье любопытство он, найдя источник этого запаха, попытался исследовать эту вещь.

Это была книга. Большая, тяжелая, она лежала на диване, поблескивая старинной, кожаной обложкой и источая такой сладкий, вкусный запах костяного клея, что маленький Коротай не смог удержаться от искушения познакомиться с ней поближе. Стянув на пол и улегшись поудобнее, он, придерживая её лапами, старательно и не спеша отрывал зубами одну за другой тонкие страницы, пытаясь добраться до переплёта.

Он очень увлёкся и уже почти достиг цели, когда вдруг услышал своё имя. Это было его имя он не мог ошибиться, но звучало оно так, что он впервые испытал страх. Голос хозяина, произнёсший его, не был сейчас по-обычному ласков, а нёс в себе угрозу, в нём слышался с трудом сдерживаемый гнев. Коротай понял, что хозяин очень сердит. Оторвавшись от своей добычи, он испуганно затаился. Хозяин подошел и, подняв с пола брошенную Коротаем книгу,

резко шлепнул ею малыша по морде. Удар был довольно чувствителен, но не настолько силён, чтобы сбить с лап.

Голос – вот что было страшнее. Он снова стал неприятным и повторил громко несколько раз одно и то же слово: «нельзя, нельзя, нельзя». Поскуливая от страха и боли, Коротай, поджав хвост, смиренно ждал наказания. Хозяин ушёл, он всё ещё был рассержен. Чувство потери вдруг овладело Коротаем. Наверно, он виноват и сделал что-то не то.

Это новое слово «нельзя», так не похожее на другие, слышанные им раньше, несло в себе одни неприятности. Очень плохое слово! На хозяина он не обиделся, потому что вожак вправе и наказывать, если нужно. Он не подвергал это сомнению, он просто знал, что это так.

Почувствовав накатившую волной страшную усталость, он еле доковылял до своего места и полностью обессилив, улегся и прикрыл глаза.

Он спал и сон его был тревожен, иногда он вздрагивал и тихонько поскуливал. Что ему снилось?

Глава 4. Первая охота

Прошло три года. Неуклюжий малыш превратился в статного, рослого красавца, гадкий утенок стал прекрасным лебедем. Коротай был красив, даже очень, и он это прекрасно знал. Длинная, грациозная голова с очень крупным, черным и горячим глазом была безупречна, будто вырезанная влюбленным, смелым резцом. Он был высок, даже слишком, одет в роскошную, белую, струящуюся псовину, так уж борзятники издавна называют шерсть борзых. Все его сильное и стройное тело начиная с крупного, черного носа и кончая кончиком его пушистого правила*, было исполнено грации и гармонии. Движения, легкие и упругие, завораживали наблюдателя своей изысканностью и скрытой силой. Его хозяин очень гордился им, и в глубине души считал, что уж красивей его Коротая нет собаки на земле.

Иногда вечерами он долго расчесывал его густую псовину, медленно, не спеша, прядь за прядью, тихонько приговаривая «Красавец, ты мой!» Коротай давно уже привык к тому, что все им восхищаются и воспринимал это как должное.

Он рос веселым и жизнерадостным щенком. Был всегда сыт, его любил хозяин, и верный Сокрушай всегда был рядом, большой и сильный. Чувствуя его постоянную поддержку и защиту, Коротай рос смелым, уверенным и даже несколько задиристым псом.

Соседские собаки побаивались эту парочку. Увидев их издали, большинство старалось обойти их стороной, уж больно азартны и быстры они были – от них трудно было уйти.

Стремительно набирая скорость, они неминуемо настигали зазевавшегося. Парочка не была злой, и не жаждала крови. Достаточно часто дело кончалось только тем, что настигнутый и полумертвый от страха неудачник, потеряв пару клоков шерсти, этим и отделялся, но в будущем он уже старался с ними не встречаться. А дружная парочка была довольна игрой! К сожалению, не все понимали, что это была всего лишь игра, достаточно жёсткая, но всё же игра.

Никогда не забыть Коротая своего первого зайца. Ему было полгода, когда впервые он приехал в эти места вместе с хозяином и Сокрушаем. Была поздняя осень, накрапывал мелкий, холодный дождь. Он сильно устал, передняя лапа нещадно ныла – кровоточил открывшийся вчерашний порез. Уже несколько часов он всё ходил и ходил на одной сворке* с Сокрушаем по этому бескрайнему полю.

Уже давно прошла первая радость, охватившая его вначале, при виде этого бескрайнего простора, от вида которого что-то вздрогнуло в нём и зазвенело. Он сразу же понял, что это не обычная прогулка. Коротай ждал чего-то волнующего, радостного, и от ожидания этого неведомого в нём все пело. Каким-то седьмым чувством он понимал, что в этом и заключается смысл его существования. Время шло, но ничего не происходило. Усталость брала своё, и он уже перестал напряженно вглядываться в даль, чувство радостного ожидания тоже утихло. Теперь он чувствовал только усталость, да еще правая передняя лапа не давала покоя. Боль от вчерашнего пореза нарастала с каждым шагом и уже становилась нестерпимой.

Прихрамывая гораздо больше, чем следовало, изредка останавливаясь и беспомощно свесив лапу, он оглядывался на хозяина, ожидая, когда же тот, наконец, заметит его страдания. Но обычно столь внимательный ко всем его малейшим болячкам тот, казалось не замечал на этот раз ничего, а упрямо шёл и шёл вперед. Коротая ничего другого не оставалось, как идти дальше, прихрамывая и иногда жалобно поскуливая.

Вдруг он почувствовал как что-то изменилось. Это было неуловимо, пока что не объяснимо, оно витало где-то в воздухе. Он не то чтобы заметил, а скорее ощутил, как встрепенулся и напрягся идущий рядом Сокрушай. Казалось, электрический разряд вдруг пронзил его тело. Это напряжение тут же передалось и Коротая. Он понял – сейчас произойдет то, чего он так ждал, то, ради чего они сюда и пришли.

Сердце вдруг забилося раненой птицей. Кровь быстрее побежала по жилам и этот поток смысл усталость и боль. Нервы натянулись до предела и трепетно звенели, как натянутая струна. Дрожь нетерпения пробежала по его напряженным мышцам. В нем проснулось что-то дремучее, неуправляемое, дикое – неистовая кровь далёких предков заклокотала в его молодых жилах.

Он забыл всё. Больше он не был хозяйским любимчиком, у него не было прошлого и не было будущего, осталось только настоящее. Был только один миг, ради которого стоило жить. От нахлынувшего страстного нетерпения он уже начинал терять рассудок! Коротай уже видел ту маленькую, темную точку, которая стремительно удалялась от него. И тут, внезапно почувствовав свободу, он рванулся за Сокрушаем, который почти летел, едва касаясь лапами земли, складываясь почти пополам и тут же резкими, мощными толчками выбрасывая свое тело вперед, с каждым броском неумолимо настигая резвого беглеца.

Быстро набирая скорость, лёгкими, мощными скачками Коротай летел вперед. Его сильное, натренированное тело беспрекословно слушалось. Всё его существо слилось в одно неудержимое, болезненно-страстное желание:

ДОГНАТЬ! НАСТИЧЬ! ПОЙМАТЬ!

Он не видел ничего вокруг, кроме зайца, расстояние до которого неумолимо и настойчиво сокращалось.

И вот Сокрушай в последнем отчаянном прыжке сделал попытку заловить зверя, но, кляцнув зубами в миллиметре от цели, споткнулся и, гневно вскрикнув, перевернулся через голову. Мелькнув на мгновение розоватым животом, он отлетел в сторону. Заяц, прижав уши к спине, присел на секунду и, резко развернувшись, запустил по направлению к канаве. Теперь настала очередь Коротая, и это уже была не игра – он должен был поймать этого мерзавца! Бешеный азарт окончательно овладел им в этот момент и он почувствовал себя зверем – диким, неистовым, беспощадным! Таким, какими были когда-то его далёкие предки.

Резво наддав*, он начал быстро, неумолимо настигать жертву. Извернувшись, молниеносным, едва уловимым движением, он сомкнул крепкие, стальные челюсти на шее завизжавшего зайца и полетел кубарем. Азарт, ярость затуманили его сознание. Коротай снова и снова сжимал зубами шею беспомощного теперь зверя, даже тогда, когда тот затих. Коротай никак не мог успокоиться и всё еще мысленно догонял и догонял, и нервы его звенели натянутой до предела струной. Наконец, накал страстей начал спадать, сердце постепенно возвращалось к прежнему ритму.

И тут он вдруг почувствовал тяжесть своего лёгкого до невесомости, ещё лишь минуту назад, тела. Мышцы мелко задрожали, ноги вдруг налились свинцовой тяжестью, голова закружилась. В полном изнеможении он буквально упал наземь, челюсти его, дрогнув, расслабились и ещё теплое тельце зайца выпало, освобожденное, на траву. Но неподвижный заяц не интересовал Коротая и он, устало прикрыв глаза, затих. Так и нашёл его хозяин спустя некоторое время.

В эту ночь Коротай спал как убитый. Теперь он знал рецепт счастья. Только поле, свежий ветер и бешеная, безоглядная скачка за уходящим зверем – ради этого он живёт и в этом смысл его бытия.

После этого были и другие зайцы, их было много, тех которых они брали с Сокрушаем, но были и те, что уходили от них. Привыкнуть к этому он так и не смог, каждый раз азарт кружил ему голову и сердце вырывалось из груди.

Каждый раз он снова и снова переживал это всё, как будто впервые. Каждый раз он рождался и умирал снова и снова.

Глава 5. Беда

Прошло еще два года. Судьба как будто берегла Коротая. Он был её любимчиком: хозяин был добр и ласков к нему, на выставках он всегда ходил первым, и верный Сокрушай был всегда рядом. Судьба хранила его от серьезных травм и болезней.

Казалось, что ничего не предвещало беды, но она пришла. Пришла сразу и бесповоротно, в один день изменив всю его жизнь.

В тот день погода была обманчиво тихой и ясной. Приближался вечер. Начинало темнеть. В этот день Сокрушай остался дома из-за травмы, и Коротай был с хозяином в поле один. Они уже собирались уходить домой, устав от безнадежных поисков, как вдруг вдалеке встал заяц. Сколько раз потом Олег, так звали хозяина Коротая, проклинал этого зайца, принесшего им столько горя и беды. Но тогда он обрадовался, увидев русака, поднявшегося на подмерзшей пашне.

Отпустив конец своры, он спустил напрягшегося Коротая. Тот, мгновенно набрав скорость, начал неумолимо настигать зверя. Заяц заложился по направлению к канаве, но не очень резко, казалось, что все предрешено. Вдруг он исчез в невысоких кустах вдоль канавы. Был и нет. Коротай рванулся за ним, ведь он не мог поступить иначе: добыча была так близка. Заросшая густым кустарником канава оказалась неожиданно глубокой. И, зацепившись задней ногой за брошенный моток железной, толстой проволоки, Коротай кубарем слетел вниз. Резкая, острая боль пронзила его голову, вокруг сразу всё потемнело, и он затих.

Тщетно в течение нескольких часов, в уже кромешной тьме, Олег искал его. Ни на призывы, ни на свист Коротай не пришёл. В конце концов, измученный бесплодными поисками, Олег ушёл, решив завтра приехать пораньше, чтобы продолжить искать Коротая при свете дня.

Когда, спустя несколько часов, Коротай пришел в себя, уже брезжил рассвет. Всю ночь шел дождь и глинистое дно канавы было покрыто вязкой, густой жижей, в которой и лежал очнувшийся Коротай. Голова нещадно трещала, очень хотелось пить. Кости ныли от непривычно жесткого ложа из камней и сучьев, на котором он провел ночь.

Жалобно поскуливая, он неуклюже встал, всё еще не понимая, где он находится. Он стоял, пошатываясь от слабости и опустив тяжёлую, раскалывающуюся от нестерпимой боли, голову. Его, еще недавно столь роскошная псовина, которой так гордился хозяин, свалаясь, полная репейника и с одного бока цементировалась от жидкой глины, превратившись в безобразный, болезненный панцирь. Ноги мелко дрожали и, чувствуя невероятную слабость, он туго ждал, когда силы придут к нему.

Голова кружилась, и периодические, мучительные приступы тошноты лишали его последних сил. Наконец, он побрёл, подгоняемый жестокой жаждой. Коротай ковылял по скользкому, глинистому дну канавы, поскользываясь, часто падая и снова с трудом поднимаясь, чтобы идти дальше. У него не было определённой цели и он плохо соображал, что делает и куда идёт.

Инстинкт раненого зверя гнал его из этого страшного, зловещего места. Единственное осознанное желание, в котором он сейчас отдавал себе отчёт, было найти воду. Это сейчас было самым важным, от этого зависела его жизнь, но воды нигде не было. От глинистой водянистой жижи, которую он пытался пить, желудок судорожно сжимался, причиняя сильную боль. Сколько времени он так брел, теряя изредка сознание, трудно сказать, но, наконец, канава кончилась. Из последних сил преодолев пологий подъём, он рухнул без сил прямо на дорогу и потерял сознание.

Очнулся он, почувствовав тряску. Его трясло и кидало, голова нещадно билась об дощатый настил. С трудом разлепив тяжелые веки, он попытался оглядеться. Всё что он увидел – это большой трясущийся деревянный ящик, внутри которого он находился. Это открытие не испу-

гало и не удивило Коротая, сейчас ничто не могло бы его напугать, у него не было сил даже на это. Прикрыв глаза, он снова впал в забытье, а ящик всё ехал и ехал, увозя его всё дальше, от всех тех, кто любил его.

Олег, приехавший рано утром искать Коротая вместе со своим другом и собакой, работавшей по следу, так и не нашёл его. Собака вывела их на то место, где Коротай провел ночь, уверенно провела за собой по дну длинной, заросшей кустарником канавы, и выйдя из неё, беспомощно и бестолково закружилась на том месте, где потеряла след.

Олег был сильно расстроен, но всё-таки теперь он знал, что Коротай жив, а значит оставалась надежда его найти. С тем он и вернулся к осиротевшему вдруг Сокрушаю.

А Коротай, трясась в кузове машины, увозившей его всё дальше и дальше, находился в полном забытии.

Глава 6. Одиночество

Шло время. Коротай изредка приходил в сознание, виденное им в эти редкие минуты, не задерживалось в голове. Пока что он не отличал сон от яви, всё было как в тумане, и не вызывало никакого отклика.

Понемногу его здоровый крепкий организм начинал брать своё и все чаще действительность врывается в его полусон-полуявь. Он слышал голоса, то тихие, то громкие, их было несколько, но знакомых среди них не было. Чаще всего он слышал один, особенно громкий, и он ему не нравился; было в этом голосе что-то, отчего сердце тревожно билось. Он чувствовал своим обострившимся вдруг звериным инстинктом, что ничего хорошего от него ждать не стоит, слишком часто в нём слышались угроза и гнев.

Этому голосу иногда вторил другой, тонкий и несмелый, почти всегда переходящий в плач. Были и другие, но Коротай инстинктивно чувствовал, что именно от этих двух зависел он сам и это тревожило его.

Иногда сквозь забытье он чувствовал прикосновение чужой руки. Оно было очень легким, несмелым и рука была непривычно маленькая. Раньше он не позволял незнакомым людям дотрагиваться до него, только хозяину дозволялось гладить и прикасаться к нему. От бесцеремонности посторонних он мягко отклонялся, а иногда и рычал, давая понять, что трогать его не стоит. Но эта маленькая ручка не раздражала, в ней одной он чувствовал тревогу и беспокойство за него. Иногда одновременно с этой лаской, он ощущал, как на морду что-то капает, мокрое и соленое, но он не знал, что это.

Эти же маленькие ручки приносили ему еду, это было не совсем то, к чему он привык, но по мере того, как он выздоравливал, Коротай ел всё, особенно не разбирая и не капризничая.

Теперь он уже почти ждал прихода этого маленького человечка, который стал единственной ниточкой, связывающей его с внешним миром.

Всё чаще и чаще спасительное забытье покидало его и тревожная, непонятная реальность безжалостно врывается в крепнувшее сознание.

Он не понимал куда делся Сокрушай и почему его добрый хозяин не придет и не заберёт его домой. Всегда они были рядом с ним сколько он себя помнил, и с ними было связано всё – день и ночь, сон и явь, радость и боль. Они были неотделимы от его жизни и занимали в ней всё свободное пространство, не оставляя места для тоски. И вот их нет рядом и эта пустота заполнялась чёрным, горьким, густым как патока, одиночеством. Он ещё не мог до конца поверить, что остался совсем один и ждал. Малейший шорох не ускользал от его внимания, нервы были напряжены до предела и сердце отзывалось радостным, беспорядочным стуком каждый раз, когда чуткое ухо улавливало приближающиеся к закрытой двери сарая шаги, но каждый раз это были не они.

Сквозь щели старого, дырявого сарая, который теперь стал для него домом, он видел, как день сменялся ночью, иногда сквозь длинные щели на него капал дождь, а позже и снег. Он подходил к дверям, всегда закрытым снаружи, ложился и ждал, когда придет его настоящий хозяин и вернёт ему прошлую жизнь. Время шло, но хозяин не приходил. То чувство одиночества, вкравшееся как будто ненадолго в душу, теперь прочно поселилось и заполнило собой весь мир, отравляя всё вокруг. Для Коротая всё было пропитано этим ядом. Он смотрел на окружающий мир сквозь призму одиночества, и даже пища приобрела этот горьковатый вкус. Ему постоянно снился один и тот же сон, в котором он пытается выбраться из огромной, все засасывающей в себя чёрной воронки, но сил не хватало и она, алчно чавкая, всё-таки засасывала его в свое клокочущее, яростное нутро. И это нутро – одиночество.

Просьпаясь, он нервно вскакивал и начинал отчаянно, иступленно, до полного истощения своих и так слабых сил кружить по сараю, ища выход своему страху, но выхода не было.

Его охватывало болезненное, страстное желание оказаться рядом с тем, кто мог спасти от поселившегося в нём чувства безысходности.

От постоянного ожидания он стал нервным, и в нём, незаметно подкравшись, с каждым днем всё больше росла горькая обида на хозяина. Сначала она только изредка заглядывала в душу, как бы присматриваясь и принаравливаясь, но с каждым днём всё чаще и чаще навещаясь, она однажды вцепилась, наконец, железными когтями в его истерзанную ожиданием душу и вырваться из её когтистых лап уже не удавалось.

Пытаясь освободиться от этой пытки, Коротай неистово метался по сараю, доводя себя до полного изнеможения, и только тогда, полностью обессилив, он мог уснуть и на несколько часов избавиться от этой боли.

Глава 7. Анюта

Однажды дверь сарая, взвизгнув ржавыми петлями, рывком распахнулась и в проёме появился огромный, бородатый мужик, от которого шёл очень неприятный запах спирта.

Коротай не любил людей с таким запахом, инстинктивно чувствуя исходящую от них опасность.

Мужик стоял, покачиваясь и пьяно ухмыляясь, и неотрывно смотрел на пса. Взгляд его налитых кровью глаз был полон слепой ненависти. Сразу, кожей почувствовав угрозу, Коротай резко подобрался, шерсть на загривке встала дыбом, губы, нервно поддёргиваясь, обнажили крепкие, желтоватые зубы. Он глухо утробно зарычал.

– Ах ты, ублюдок, ещё не сдох? Живучий гад. – услышал он тот самый грубый голос, который давно уже его тревожил.

Мужик говорил с трудом, запинаясь на каждом слове. Казалось, он захлёбывался собственной злобой.

– Значит, Анька, выходила тебя, стерва. Ну и стерва!

Мужик вдруг пошатнулся и чуть не упал, потеряв равновесие, но с трудом справившись со своим огромным, непослушным телом, он выпрямился и, прислонившись к косяку, грязно выругался.

– Папа! Папочка, не бей его, пожалуйста! Дрожащий голосок был на грани срыва, он звенел и в нём было столько боли и отчаянья, что Коротай зарычал громче. Светловолосая девочка лет двенадцати, слишком маленькая и тщедушная для своего возраста, вбежала в сарай и резко остановилась, не решаясь близко приблизиться к отцу. Её глаза были полны слёз, губы дрожали, худенькие руки тряслись – она очень боялась его, особенно в те дни, когда он был пьян.

Трезвый он был мрачен и молчалив. Бывало, что за весь день от него никто не слышал ни слова. Её он почти не замечал. Когда Анюта была совсем маленькой, пухленькой, розовощёкой крошкой с парой тоненьких, смешных косичек, она иногда смело забиралась к нему на колени и старательно пыталась пухлыми ладошками разгладить его всегда собранный в морщины жёсткий лоб. Ей это удавалось на какое-то мгновение, но стоило убрать руки, как морщины снова возвращались на место, делая лицо отца таким неприветливым и недобрый. Тогда эти её попытки иногда даже развлекали его. Он смеялся, и глаза его улыбались, что делало отца моложе и красивей.

Но те времена давно прошли и она уже давно не видела, чтобы отец улыбался. Морщины на его лбу стали резче и глубже, и её ладошки уже не смогли бы их разгладить. Он стал пить, сначала понемногу, но очень быстро втянулся и неделями глушил водкой какую-то свою неизбывную тоску. В эти дни он будто зверел. Глаза его мутнели на почерневшем лице, казалось, что он становился слеп. Он как будто взрывался чёрной яростью и она неистовой лавой истекала из самых глубин его тёмной души.

В эти дни он ненавидел всё и всех и ждать от него сострадания было бесполезно, ярость делала его слепым и глухим. Матерно ругаясь, он вваливался в их затаившейся в страхе дом и беда была тому, кто попадал под его пьяную, тяжёлую, мужицкую руку. Чаще всего он отводил душу на своей рано постаревшей, слезливой жене. Анюта в такие чёрные дни старалась отцу на глаза не попадаться, благо, что он редко вспоминал про дочь.

После такого запоя, несколько дней промучившись тяжёлым, жестоким похмельем, отец становился угрюм и молчалив. Иногда, правда, это бывало очень редко, приходя домой, он, отводя глаза, воровато совал ей в руку шоколадку или иную сладость. Он, как будто стыдился своего доброго порыва. Слова благодарности застревали у неё в горле. В такие моменты ей хотелось подбежать к нему как раньше, забраться на колени и разгладить руками

его глубокие морщины, увидеть забытую улыбку в глазах. Но она не смела, никогда не смела. Анята очень хотела любить его, но он ей этого не позволял.

В один из таких трезвых дней он и привёз этого большого, невероятно красивого и совершенно беспомощного пса, а через неделю опять запил по-чёрному и начисто забыл про собаку.

Анята всегда была равнодушна к собакам. В их посёлке они были маленькие, кривоногие и неказистые. Собираясь стаями, они слонялись по деревне, иногда, как будто взбесившись, неистово брызгая слюной, облаивали случайных прохожих, сатанея от собственной смелости. Поодиночке же они были тихи и пугливы. Девочка не обращала на них особого внимания и не испытывала никаких нежных чувств.

Когда отец, внёс эту собаку в сарай и осторожно уложил на солому, она сначала просто боялась подойти близко, но уходить ей почему-то не хотелось.

Пёс был такой огромный, как телёнок. Он лежал без малейшего движения и только еле слышное дыхание говорило, что он жив.

– Голову он расшиб, видишь кровь? Может выживет, хотя вряд ли. Ты присмотри за ним, дочка. – такой длинной фразы она давно уже не слышала от отца.

Он ушёл, и они остались вдвоём – огромный беспомощный пёс и маленькая девочка, в чьих слабых руках находилась теперь его жизнь.

Выждав немного и убедившись, что собака не пытается тут же вскочить и загрызть её, Анята стала предельно осторожно, маленькими, несмелыми шажками приближаться, готовая в любой момент сорваться и спастись бегством. Пёс лежал так же неподвижно, как и прежде. Ей понадобилось почти пятнадцать минут, чтобы преодолеть расстояние в пять шагов, разделявшее их. Пёс не двигался. Зная, что вряд ли он бросится на неё с закрытыми глазами, она не отрывала встревоженный взгляд от закрытых век собаки, но они даже не вздрагивали. Коротай был без сознания.

Преодолев, наконец, это расстояние, она встала совсем рядом и стала смотреть на него. Она вдруг забыла свой страх, красота собаки поразила её. Всё в нём понравилось девочке сразу: длинная, узкая голова; крупный чёрный нос, до него хотелось дотронуться – он, наверно, мягкий и гладкий, и невероятно длинная спина.

«Какой он, должно быть, высокий, когда стоит, и ноги такие длинные, удивительно!»

Но больше всего ей понравилась его псовина – такая белая и густая. На горбатой спине она кудрявилась коротким упрямым завитком, на задних ногах завивалась кольцами и была на удивление длинной. Осторожно кончиками пальцев, прихватив одну прядку, она оттянула её настолько, насколько хватило её решимости. Такой длинной шерсти она не видела ни у одной собаки. На голове и лапах, шерстка была коротенькой, плотно прилегала и казалась атласной. Набравшись смелости, дрожащей рукой она слегка коснулась завитков на его спине, они были упругими и в то же время мягкими. Пёс не шевелился. Не отрываясь, она тревожно наблюдала за его веками, готовая в любой момент отскочить, а сама рукой осторожно провела по его телу.

Убедившись, что это безопасно и совсем осмелев, она лёгкими, едва ощутимыми движениями всё гладила и гладила Коротая.

И с этих пор всё своё свободное время она проводила с ним. Анята уже не боялась его. Маленькие проворные пальчики выбрали все доступные репейники из его псовины, осторожно прядку за прядкой, разобрали и расчесали свалывшуюся шерсть.

Часами она сидела рядом и любовалась им, тревожно прислушиваясь к дыханию, и, слыша буйные выкрики запившего опять отца, боялась только одного – страшного в запое отца, который, обнаружив собаку, мог избить и искалечить Беленького, так любовно теперь она называла его. Слезы тревоги и страха капали ему на морду. Девочка чувствовала себя спокойнее, находясь рядом с ним, ей казалось, что она сможет каким-то образом защитить и уберечь несчастного пса.

Всё чаще и чаще Беленький открывал мутные пока глаза. Он много пил и с жадностью ел всё, что она ему приносила. С каждым днём он становился крепче и уже подымался, и, пошатываясь, ковылял по сараю. Он явно грустил, часто и тяжело вздыхал, а последнее время она стала замечать в его больших, тёмных глазах что-то другое.

Это сильно пугало Анюту, так как нечто подобное она часто видела в глазах отца, в самые тяжёлые, запойные дни. Это же выражение, она один раз видела в глазах кошки Дуськи, когда соседский пёс загнал ту в угол и она, не имея возможности убежать, злобно и затравленно смотрела на него, изогнувшись для защиты и гневно шипя.

Когда Анюта приходила в сарай, Беленький не вскакивал и не вилял хвостом, как бы это делала любая другая собака. Он просто поднимал свою грациозную голову и внимательно смотрел на неё и только по еле заметному движению хвоста, которое никак нельзя было бы назвать «повиливанием», можно было понять, что он всё-таки рад её видеть. Это немного обижало Анюту, но и вселяло невольное уважение к нему. Он позволял себя гладить, но удовольствия от этого явно не испытывал. И всё равно, несмотря на такое странное, не собачье поведение она с каждым днём привязывалась к нему всё сильнее.

Ей очень хотелось доставить ему радость и выпустить из сарая во двор, может быть тогда, казалось ей, это пугающее, затравленное выражение покинет его глаза. Часто она заставляла его лежащим возле двери и видела укор в его глазах, но отец всё пил и пил, и конца этому запою было не видно. С каждым днём он зверел всё больше, и попадись ему сейчас Беленький – последствия могли быть самыми страшными. Счастьем было то, что за всё это время отец ни разу не заглянул в сарай. Одна мысль о такой возможности повергала девочку в отчаянье.

Она понимала, что держать такую собаку всю жизнь взаперти нельзя, видела, как он страдал. Ему бы побегать и просто подышать свежим воздухом, но надо было подождать, пока отец придёт в себя. И она ждала.

И вот случилось то, чего она боялась больше всего. Дверь сарая распахнута и пьяный отец там. Бросив недомытую тарелку, охваченная паникой, она опрометью бросилась к Беленькому. «Он убьёт его, убьёт!» – эта мысль, как молот стучала в её голове.

Влетев в сарай, и сначала не видя ничего в полумраке, полная самых плохих предчувствий, Анюта остановилась:

– Папа! Папочка, не бей его! – горло судорожно сжалось и, с трудом переводя дыхание, заломив тонкие, худые руки, она сделала несколько несмелых шагов в темноту сарая.

Никогда раньше она не посмела бы слово сказать против отца, но сейчас она боялась только за Беленького и этот страх придавал ей необычную смелость. При одной мысли, что грубый, кирзовый сапог отца может принести боль её питомцу, у Анюты от гнева темнело в глазах. Может быть, впервые в жизни она почувствовала растущую в душе ненависть к этому человеку, которого она всегда боялась. О боли, что он мог причинить ей, она не думала в эти минуты.

Когда глаза немного свыклись с полумраком, она смогла увидеть привалившегося к косяку двери отца и забившегося в дальний угол взъерошенного Беленького, готовящегося к прыжку. Услышала она и негромкое, глухое рычание.

Отец, рывком оторвав себя от косяка, пошатнулся, но удержавшись на ногах, смотрел теперь на неё в упор мутным и тяжёлым взглядом. Жёсткие желваки на его скулах ходили ходуном. Он был зол, очень зол. Он сделал один шаг к ней, но вновь пошатнувшись, остановился, пытаясь вернуть утраченное равновесие. При этом он не отрывал злобный взгляд от дочери. Рычание в углу стало чуть громче.

– Ты, стерва, ты... – он запнулся.

Злоба клокотала в его горле, не давая закончить фразу, в затуманенном, воспалённом мозгу мысли ворочались тяжело, как жернова.

Маленькая девочка инстинктивно попятилась.

– Папочка, пожалуйста, только не бей его! – она молила отца, сложив худенькие руки на груди и пытаясь заглянуть тому в глаза и надеясь увидеть в них понимание. Она знала слишком хорошо, что вряд ли ей удастся достучаться до него, но будучи всего лишь маленькой девочкой, не могла до конца в это поверить.

Отец, казалось, с трудом оторвав от её лица взгляд, вновь злобно уставился на собаку. Со стороны казалось, что довольно простое рефлекторное и естественное движение глаз, потребовало от него тяжёлых и исключительно физических усилий. С трудом оторвал себя от пола и, сдвинувшись с места, пошатываясь, тяжёлыми шагами он направился к собаке.

Коротай зарычал громче, он еле сдерживался, чтобы не броситься на мужика. Обида, поселившаяся в его сердце, переродилась в нём во что-то другое. Это новое чувство было похоже на то, что он ощущал, когда, забыв обо всём, бывало, достигал зайца в поле. Это была лютая, лишаящая разума злоба, та, что бросает искалеченную, с переломанными лапами борзую всё-таки бежать, забыв про боль, и достигать уходящего зверя. Но сейчас это было намного страшнее, потому что объектом его злобы впервые стал человек. А это было вековечное «табу», впитанное с молоком матери и переданное ею от далёких прадедов. Никогда до сих пор он и помыслить не мог, чтобы посягнуть на человека. Но сейчас, чувствуя себя загнанным в угол, истерзанный жестокой обидой на хозяина и захваченный бешеной злобой, он уже был готов нарушить запрет.

Увидев, что отец неотвратимо приближается к Беленькому, Анята кинулась наперерез и, загорюдив пса своим таким маленьким и уязвимым телом, закричала:

– Нет! Не смей его трогать!!! – в её голосе было столько ненависти, что отец остановился и озадаченно посмотрел на дочь. Никогда раньше его робкая и послушная девочка не говорила с ним так.

А она была полна решимости драться, кусаться, царапаться. Ярость, поднявшаяся в ней, была незнакома ей до сих пор, но это чувство даже понравилось. Страх ушёл, осталась только ненависть, она клокотала в ней и придавала необыкновенную смелость и силу. Никогда прежде она не ощущала себя такой неуязвимой. Отец, остановившись на полдороги, смотрел на неё с удивлением и в этот миг совсем не казался страшным. Его широко открытые глаза на пьяном, помятом лице, выдавали его попытку понять, что же происходит, и это придавали ему несколько глупый и даже жалкий вид.

Анята, казалось, стала выше ростом. Она стояла, расставив ноги, распрямив худенькие, острые плечи и сжав побелевшие кулачки. Глаза сверкали бешенством на белом как мел, лице. Ей даже сейчас хотелось, чтобы отец ударил её, тогда бы она вцепилась ногтями в его ненавистное, оплывшее от водки лицо. Она чувствовала себя, как огромный и раненый зверь, загнанный в угол, которому нечего терять.

Отец мотнул тяжёлой головой, как будто пытаясь сбросить наваждение. Но голова его соображала плохо, что-то мелькнуло было на задворках его сознания, но поймать эту мысль, которая казалась почему-то важной, он не успел. Снова вдруг вернулась головная боль, к которой он до сих пор так и не смог привыкнуть. Казалось, голова сейчас расколется, как перезревшая тыква. Забыв про дочь, он медленно развернулся и, качаясь, вышел. Ему сейчас надо было выпить водки, чтобы заглушить эту боль, превращающую его, в принципе, не злого человека, в дикого, смертельно опасного зверя.

Анята, не верила своим глазам. Он ушёл, просто взял и ушёл. Она вдруг почувствовала страшную слабость, которая, неожиданно подкравшись, накрыла девочку своим душным покрывалом. Злость, которая давала силу и мужество оставила её, забрав с собой и то и другое. Коленные чашечки вдруг начали невообразимый танец, остановить который Анята не могла. Они дёргались и прыгали независимо от её желаний, руки тоже начали выплясывать свой собственный, в бешеном ритме, танец, пальцы дрожали и тряслись – это было так непонятно

и страшно. Ей вдруг показалось, что все суставы её тела сейчас выскочат с положенного им места и она развалится на куски, как старая, поломанная кукла.

Ноги вдруг сами подкосились и, без сил опустившись на землю, Анята разрыдалась. Девочка рыдала долго и натужно, грудь разрывалась, сердце сжало болью, но она никак не могла остановиться. Это продолжалось очень долго, так, во всяком случае, ей казалось. Наконец, она затихла, полностью обессилив. Лёжа ничком и тихо всхлипывая, она с трудом разлепила распухшие глаза и увидела рядом с собой того, кого она так отважно защищала.

Коротай лежал, положив голову на передние лапы и, не отрываясь, смотрел на неё. В его глазах девочка увидела, как ей показалось, сострадание и боль. Ползком придвинувшись к нему, она обняла его и уткнулась заплаканным лицом в тёплую собачью шею. Он не отодвинулся. Так и лежали они рядом, собака и ребёнок, согревая друг друга своим теплом.

Коротай, лёжа рядом с девочкой, прислушивался к себе. Ему вдруг показалось, что он умер, ведь вместе со злобой куда-то ушла и обида. Пустота, оставленная ими, на этот раз ничем не заполнялась, а так и оставалась пустотой. Он не чувствовал ничего, ни радости, ни боли – теперь он остался по-настоящему один. Но пустота не может долго оставаться таковой и, почувствовав свободное пространство, в его душу медленно, крадучись, осторожной змейкой, вползла и поселилась чёрная тоска.

Глава 8. Прогулка

Прошла ночь, затем день, а затем ещё одна ночь, отец больше не заходил в сарай. Анята старалась не попадаться ему на глаза. Она так же боялась его, как и раньше, но что-то изменилось. Она повзрослела в тот день на несколько лет и детство ушло от неё навсегда. Как ни странно, но теперь она чувствовала себя ближе к отцу.

Испытав впервые в жизни чувство отчаянной решимости, ощутив себя сильной из-за пробудившейся ненависти, она, казалось, стала лучше его понимать. Отец же по-прежнему её не замечал и Анята уже начинала думать, что он попросту забыл и о собаке и о том, что произошло между ними.

Ну вот бесконечный запой, наконец, закончился. В доме наступила обычная для таких дней зловещая, тягостная тишина.

В тот день Пётр, так звали Анятиногo отца, протрезвев, стоял на крыльце и как будто пытался что-то вспомнить. Наконец, не спеша, он двинулся к сараю, открыв скрипучую дверь, он остановился на пороге. Его дочь была там.

Из тёмного угла послышалось негромкое, сдержанное рычание.

– Анька, поди сюда. – кашлянув, хриплым с похмелья голосом позвал Пётр.

Вздвoгнув от неожиданности, с тревожно забившимся сердцем и побелевшим внезапно лицом, она несмело подошла к отцу. Руки судорожно взметнулись к горлу и тонкие пальцы начали нервно крутить верхнюю пуговицу на старенькой, побелевшей от многочисленных стирок, куртке.

Пётр молча смотрел на неё. Это тянулось бесконечно – он как будто изучал свою дочь. Взгляд мутных, слезящихся глаз был, как всегда, мрачен и неприветлив, но ей показалось, что на миг где-то в их глубине мелькнула неуверенность. Страх бился в груди, как выброшенная рыба на берегу и от прошлой решимости не осталось и следа. Она вновь почувствовала себя маленькой, беззащитной девочкой, какой всегда и была. Анята заганно ждала, что же он скажет. Ей вдруг захотелось закричать, завизжать, затопать неистово ногами, только чтобы прекратилось это невыносимое молчание. Пусть он её грязно обругает, ударит, в конце концов, но это всё же лучше, чем этот тяжёлый, неотступный взгляд и молчание, которое лишало её разума.

Ну вот он, наконец, отвернулся и отвёл от неё свои страшные, налитые кровью глаза. Кашлянув, он глухо, с трудом проговорил:

– Топор мне нужен.

Ей показалось, что мир треснул и обрушился на неё всей своей тяжестью. Она пошатнулась, лицо исказилось гримасой животного страха. Казалось, что сердце её сейчас остановится, она задыхалась, и воздух с трудом вырывался из её судорожно сжавшихся лёгких.

– Папочка... – наконец, выдавила она из себя, голос дрожал и прервался.

Он, медленно обернувшись, внимательно посмотрел ей прямо в глаза. То, что он там увидел, ошеломило и заставило его ещё пристальней взглянуть. Анята в его глазах испуганно искала ответ на свой страшный вопрос, казалось, она сейчас потеряет сознание. Вдруг что-то дрогнуло в нём, казалось, что он впервые что-то понял. Жалость к дочери мелькнула было в его сумрачном взоре, но, смутившись, он тут же отвернулся, нервно сглотнул и, покачивая головой, горько ухмыльнулся:

– Ду-у-ра, какая же ты всё-таки дура. Дров мне подколоть надо.

Сразу просветлев лицом, Анята на подгибающихся, слабых ещё ногах бросилась вглубь сарая за топором. Не поднимая счастливых глаз, боясь всё испортить своей рвущейся наружу радостью, чуть дрожащей рукой она протянула его отцу. Взяв топор, тот метнул испытывающий взгляд на неё, но наткнулся на опущенный лоб и свесившуюся жиденькую чёлку. Если бы

Анюта в этот миг посмотрела на него, то увидела необычно мягкий и несколько удивлённый взгляд, которым смотрел сейчас отец. Но она не смела поднять на него глаза. Проверив пальцем наточку, он, повернувшись, пошёл было прочь, но, обернувшись, опять остановился.

– Ты б его на улице, что ли, привязала, а то в сарай не зайти, да и вообще... – не закончив фразу, он тяжело, с каким-то всхлипом, вздохнул и пошёл прочь.

Анюта опрометью кинулась искать верёвку, но не в силах совладать со своими чувствами, закружилась в неистовом вальсе по пыльному сараю показавшемуся ей сейчас самым прекрасным местом на земле. Душа её пела, мир был прекрасен, она была счастлива. Сорвавшись было на самое дно отчаянья, её душа вдруг лёгкой птицей взметнулась в самую высь и парила на недостижимой высоте.

Она не только спасла Беленького от самого страшного, что с ним могло случиться, но и теперь, как ей казалось, начнётся совсем другая, счастливая жизнь. Она каким-то образом почувствовала, что отец больше не опасен для собаки и больше не тронет его никогда. Эта уверенность, а также сознание того, что именно она каким-то образом это сделала, наполняла Анюту гордостью и счастьем.

Поспешно роясь в тёмных, пыльных углах сарая в поисках верёвки, она предвкушала радость Беленького от прогулки. Приятно было сознавать, что эту радость доставит собаке именно она и, может быть, из чувства благодарности, Беленький станет, наконец, более ласковым. Ведь должен же он, наконец, понять сколько она для него делает, это было бы справедливо.

Найдя, наконец, в самом дальнем углу длинную верёвку, она привязала один конец к железной скобе, вбитой в стену, а другой продела в колечко ошейника и крепко затянула.

– Пойдём, Беленький, пойдём гулять, – чмокнув его в лоб, она тихонько потянула верёвку.

Коротай даже не поднял головы.

– Миленький, ну пойдём, – стала уговаривать она его, уже сильнее дёрнув верёвку на себя.

Он поднял голову, но остался лежать.

– Ну, что ж ты лежишь, пойдём во двор, тебе понравится, – она почти плакала.

Анюта не понимала, почему он не бежит радостно на улицу. Она ни на минуту не сомневалась в том, что возможность прогулки должна радовать его, а он даже не хотел вставать. Не зная, как убедить его подняться, она, присев, обняла его одной рукой за шею, а другой глядя по голове, стала шептать ему прямо в ухо:

– Беленький, ты не бойся, он тебя не тронет. Он только пьяный дерётся, а когда трезвый – он тихий. Ну, пойдём, пожалуйста, ну, пожалуйста.

Выпрямившись, она уже сильнее потянула верёвку и он, наконец, встал.

– Ну, вот умница! Молодец! Ну пошли, пошли.

Она медленно задом пятилась к выходу и настойчиво тянула Коротая за собой. Нехотя он двинулся за ней.

В дверях он снова остановился. Яркий свет, от которого он отвык, резал глаза. От свежего воздуха закружилась голова, ноги неожиданно стали ватными, и он почти не чувствовал их. Опустив отяжелевшую вдруг голову, он стоял, пошатываясь, в дверях. Девочка, не понимая, почему он опять встал, была раздосадована. Ей так хотелось увидеть его радость, благодарность за такой подарок. Она часто представляла, как выведенный во двор, он будет весело бегать, радостно лаять, ловить собственный хвост, как делали другие собаки. А он даже не хотел выйти.

– Ну что ты опять встал, – раздражённо сказала она и резко дёрнула верёвку. Ей вдруг захотелось ударить его, обругать. Впервые ощутив подобное желание, она тут же устыдилась себя, почувствовав себя плохой, злой. Ведь он так болел, наверно, и сейчас ему плохо, а она

злится на него. Раскаянье бросило Анюту к собаке, и порывисто обняв его за шею, она стала целовать его в морду приговаривая:

– Миленький, прости, прости меня, пожалуйста, я больше не буду. Обнимая его, она почувствовала, как собака дрожит всем телом.

– Тебе плохо? Да? – забеспокоилась она. – Ну, пойдём назад, пойдём, полежишь.

Она стала тянуть его назад, в темноту сарая, но он и туда не шёл. Коротай упрямо стоял, опустив голову и прикрыв глаза, и не двигался ни туда, ни обратно.

– Господи, ну что же делать! – взмолилась она со слезами. Чувствуя своё бессилие, она стала постепенно впадать в панику, не зная, что делать. В отчаянии девочка стала резко дёргать верёвку, вновь начиная испытывать желание ударить его, такого упрямого и непослушного. Коротай, расставив ноги, казалось, врос в землю, как будто решил назло ей не двигаться ни туда ни сюда.

– Оставь ты его. Что ты его дёргаешь? Отвык он, пусть отойдёт, притерпится. – вдруг услышала она за спиной надтреснутый голос отца.

Увлечённая вознёй с собакой, она и не заметила, что он всё это время наблюдал за ними.

Анюта испуганно обернулась. Привычный страх медленно вползал в её душу, но в голосе отца на этот раз не было злости или упрёка. Ей даже показалось, что он сочувствует ей, а может быть и Бельенкому. Девочка попыталась заглянуть ему в лицо, но он, как всегда, отвернулся. Страх вдруг ушёл, паника тоже исчезла. Почувствовав внезапное спокойствие, она выпустила из рук верёвку и, присев на лавочку в глубине двора, издали стала наблюдать за собакой.

Постояв в дверях ещё некоторое время и, почувствовав себя лучше, Коротай медленно двинулся вглубь двора. Он даже как будто и не пытался оглядеться, оказавшись в новом для себя месте. Сделав несколько шагов, он устало улёгся на бок, вздохнул и прикрыл глаза. Казалось, что никакие новые впечатления не могли его вывести из привычного, равнодушного состояния.

Он не испытывал радости, которую ждала от него Анюта. Казалось, что это чувство ему теперь, вообще, было недоступно. Тоска, поселившаяся в его сердце медленно, час за часом разьедала душу ржавчиной, не оставляя места даже обиде. Страсть, радость жизни, казалось, оставили его навсегда. Ожидание хозяина, такое волнующее поначалу, притупилось. Обида, терзая его сердце безжалостными когтями, вырвала надежду из его души и он уже не ждал того, которому всегда так верил. Вместе с надеждой ушла и любовь. Он остался один на один со своей тоской. Ел, пил, как механическая зверюшка, у которой ещё не кончился завод, не замечая ни вкуса, ни запаха, и еда уже не приносила ему той радости, как прежде.

А девочка приходила каждый день. Он привык к ней и к её запаху, его почти не раздражали несмелые ласки, но и не вызывали никакого отклика – ему было всё равно. Она при всей своей любви, не могла заполнить пустоты, поселившейся в его сердце, не могла излечить от тоски. Может быть, только хозяин мог ещё пока вызвать отклик в душе Коротая, но с каждым проходившим днём ржавчина в душе собаки, посеянная тоской, всё больше и больше разрасталась, а хозяин не приходил. Душа Коротая постепенно, день за днём медленно умирала.

Глава 9. А тем временем

Хозяин не забыл его.

Не найдя на следующий день Коротая, но убедившись, что он жив Олег продолжал его искать. Он делал всё, что мог. Догадавшись, что собаку, вероятно, кто-то подобрал на машине, он объехал близлежащие посёлки, дотошно расспрашивая местных жителей. Но никто не видел подобной собаки ни живой, ни мёртвой и даже вездесущие дети не смогли ему помочь. Оставив везде, где можно номер своего домашнего телефона и пообещав хорошо заплатить, тому, кто обнаружит его пса, Олег на этом не успокоился. Но ни объявления в газете, ни даже на телевиденье ничего не дали. Коротай бесследно исчез.

Шло время, но никто не звонил с радостным известием. Повторный объезд посёлков тоже ничего не дал. Олег почти смирился с потерей, но, в глубине души, будучи почему-то уверен, что Коротай до сих пор жив, он всё ещё надеялся, что собака вернётся, каким-то чудом всё-таки вернётся.

Ему со всех сторон предлагали щенков, купить или просто принять в дар на замену Коротая, но он отказывался, хотя это было не всем понятно и его уговаривали, недоумевая. Но как он мог объяснить, что для него это будет равносильно признанию Коротая мёртвым. Он был жив – эта уверенность не проходила и предчувствие, что они ещё встретятся не покидало Олега, хотя со временем и стало постепенно угасать. Пока ещё щенка он не брал, но начинал уже понемногу прислушиваться к разговорам о том, у кого и от каких родителей ожидается помёт*.

Глава 10. Сергей

Теперь Коротай мог по собственному желанию выходить во двор. Дверь всегда была полуоткрыта, как бы приглашая на прогулку, и только длинная верёвка сдерживала свободу, которая теперь была ему совсем и не нужна.

Иногда он, не спеша, выходил за пределы сарая и долго стоял, как бы прислушиваясь. Так и не дождавшись чего-то известного только ему, он, вздохнув, тяжело укладывался недалеко от входа и лежал, прикрыв глаза и не проявляя никакого интереса к тому, что происходило вокруг. Ни радостных прыжков, ни весёлого беганья по двору Анюта от него так и не дождалась. Первые дни она ещё надеялась, что собака повеселеет, но дни шли, а он оставалась всё таким же безучастным и равнодушным.

Душа девочки металась из одной крайности в другую. То она отчаянно жалела Беленького и, обнимая за шею, шептала на ухо ласковые слова и слёзы сами лились из глаз. Но всё чаще и чаще, теряя надежду и не понимая причин его тоски, она злилась. Её всё больше и больше раздражал его отрешённый вид.

Анюте казалось такое отношение несправедливым, ведь она хотела подарить ему целый мир, полный радости и веселья, а он отверг подарок и даже благодарности к ней не испытывал. Она спасла ему жизнь, а он даже хвостом вильнуть не хочет. Вредный, неблагодарный пёс. За всё это время, что она провозилась с ним, он ни разу ни заглянул ей ласково в глаза, ни разу ни лизнул руки. Лежит целыми днями и даже головы не поднимет, когда она приходит. Иногда девочка намеренно не приносила еды, надеясь увидеть радость при её появлении после долгой разлуки, но даже это не могло вывести Коротая из его безразличия.

Постепенно жалость и злость ушли от неё. Потеряв надежду на любовь и признание, Анюта постепенно, незаметно для себя, стала терять интерес и к нему самому. Она всё реже и реже садилась на лавочку, чтобы понаблюдать за ним. Поставив миску с едой, она теперь сразу же уходила, не интересуясь, как раньше, съел он или нет то, что ему принесли. Давно уже она не расчёсывала его псовину, и та свалилась в безобразные колтуны и уже не красила его. Девочка уже не стремилась погладить и приласкать собаку, теперь он стал для неё только обузой.

Коротай, казалось, не замечал произошедшей перемены. Он потерял весь мир и утрата любви этого маленького человечка прошла для него незамеченной. Дни проходили за днями, но для него время как будто остановилось. Он уже не ждал хозяина, еда не радовала, всё для него потеряло смысл. Коротай всё время лежал, любое даже малейшее движение сильно утомляло его.

Постепенно он и на ночь перестал заходить в сарай, даже непогода не могла заставить его сдвинуться с места. Так и лежал он теперь целыми сутками во дворе, испытывая непреодолимое отвращение даже к малейшему движению. Душа его замерла в спячке и только всё ещё сильное, вопреки всему, и здоровое тело сопротивлялось, цепляясь за жизнь.

Иногда лёжа во дворе и приоткрыв глаза, Коротай видел того бородатого мужика, вызвавшего в нём однажды лютую злобу, что, взорвавшись в душе огненным столбом, ушла, оставив его с остывающим пеплом безразличия. Сейчас, наблюдая иногда за ним, Коротай не чувствовал ни страха, ни злобы, он не чувствовал ничего вообще. Мужик ни разу не попытался к нему приблизиться. Изредка он присаживался на лавочку и, попыхивая беломориной, не отрываясь, исподлобья, смотрел на собаку, и, бывало, их глаза встречались.

Иногда Петру казалось, что между ними пробегало что-то мимолётное, необъяснимое, какое-то дуновение, которое сближало их. В глазах этого кобеля он видел ту же тоску и одиночество, что давно уже жили в нём самом, и становясь порою нестерпимыми, кидали в чёрную

воронку злобы и ненависти. И тогда он спасался только водкой. А кобель, казалось, умирал – эта тоска попросту убивала его.

– Эх, ты, паря, паря... Знать судьба у тебя такая. – как бы про себя говорил Пётр, и затушив носком сапога недокуренную папиросу, ссутулившись, уходил со двора.

Так проходили дни. Наступила зима. Снега было много и Коротай оброс густой псовиной. Даже холод не смог заставить его тронуться с места. Он всё так же лежал во дворе, бесчувственный и к морозу.

Анюта теперь приходила только покормить его и тут же убегала. Коротай, казалось, не замечал её присутствия и, бывало, даже не открывал глаз. Девочку это уже не расстраивало, она стала совсем равнодушна к нему. Пётр опять запил по чёрному, доставалось и Анюте и её матери, но Коротая он никогда не трогал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.